

УДК 83.10

DOI: 10.31029/vestiyali27/5

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ПОВЕСТЬ МАГОМЕД-РАСУЛА «НЕЧИСТАЯ СИЛА»

З. К. Магомедова,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье рассмотрены основные характеристики повести мистического характера «Нечистая сила» народного писателя Дагестана Расулова Магомед-Расула. Автор раскрывает причинно-следственные характеристики поведения героев повести, переводя свое повествование в буддистскую доктрину реинкарнации души.

Ключевые слова: Магомед-Расул, мистические стороны бытия, схематичность, деформация души, духовные ценности, вневременные категории.

The article considers the main characteristics of novel of mystical character. «Evil spirit» by People's writer of Dagestan Rasulov Magomed-Rasul. The author reveals causal characteristics of behavior of the heroes of the story, converts them to the Buddhist doctrine of the reincarnation of the human soul.

Key words: Magomed-Rasul, mystical sides of being, chematic, deformation of the soul, spiritual values, the mangle categories

Творчество народного писателя Дагестана Расулова Магомед-Расула получило широкую известность не только в Дагестане, но и за его пределами. Многие его произведения опубликованы на французском, немецком, испанском, венгерском языках.

Магомед-Расул – автор ряда очерков, рассказов, повестей, романов.

В период 1990-х годов писатель отходит от привычного стиля и создает ряд произведений экспериментального характера в манере, до того ему не свойственной. Первым опытом в новой для него стилистике стала так называемая антиповесть «Ясновидящий дурак» (1994). Затем последовали повести «Нечистая сила» (2001), «Что с нами будет?» (2011), роман «Похищенная душа» (2016), ряд публикаций в литературно-художественных журналах. Интерес к духовной стороне личности индивидуума просматривался уже в ранних его произведениях. Постперестроечный период стал временем реализации самых неожиданных тенденций в творчестве писателя.

Наиболее выразительно обращение его к различным сторонам души человека проявилось в повести с inferнальным названием «Нечистая сила», где он в полной мере продемонстрировал нетрадиционные принципы художественного мышления. Это означает, что писатель привнес в дагестанскую русскоязычную художественную прозу смыслы, до сего времени практически отсутствовавшие. Он предпочел дистанцироваться от литературы, которая озабочена проблемами действительности, и присоединился к той, которая создает «вторую» реальность.

В повести исследуется субстанция, именуемая Душой. Следует подчеркнуть, что, говоря о некоторых произведениях, необходимо обращать внимание на контекст их появления. В наши дни стала чрезвычайно актуальной проза для «продвинутых», подчас шокирующая. Об этом много пишут и критики, и литературоведы. Вот один из примеров высказывания: «Далеко не случаен новый всплеск интереса к «Мастеру и Маргарите». Если в советское

время была актуальна сатирико-эксцентрическая составляющая этого произведения, то сейчас актуализировалась иная линия, которую можно назвать метафизико-гностической» [1, с. 159].

Магомед-Расул – писатель чуткий к требованиям времени, учитывающий вкусы и пристрастия своей эпохи, этим воспользовался в полной мере. Ориентация в новом культурном пространстве в данном случае происходит через своего рода «магический реализм». При этом автор старается соблюсти принцип, принятый еще основоположником «черной фантастики» Эдгаром По – о самом невероятном писать предметно, детально и убедительно.

Впрочем, ничего слишком невероятного нет в обращении автора к некоторым теориям мистического, научного и квазинаучного характера. Здесь уместно привести слова, сказанные по аналогичному поводу: «Только элитарная культура может позволить себе наплотить ворох загадок, забыв про отгадки. Только она может оставить читателя в недоумении и погрузить его в растерянность и размышления. Или заставить смириться с непостижимостью тайны придуманного мира» [2, с. 187].

Таким образом, давно заявленные автором претензии на элитарность имеют возможность для реализации.

Актуализированная им на страницах повести антиномия добра и зла провоцирует многорядовый, многозначный сюжет, с последовательно проведенной темой формирования Души человека задолго до его появления на свет и еще со многими слагаемыми: «Человек состоит из Тела и Души. Со временем Тело Человека изнашивается, разрушается, а Душа, переживая процесс разрушения, возрождается в мир иной – в свой духовный мир.

Телесный мир Человека привязан к Земле, духовный – он везде: в нас, вокруг нас, в Пространстве.

Убить Душу невозможно никакими насильственными методами. Только сам человек своими действиями может погубить Душу» [3, с. 15].

Эти и последующие рассуждения автора призваны с самого начала повествования придать произведению метафизическое измерение. Стараясь проследить параллельные возможности развития жизни, автор приводит множество сведений мистико-популярного характера, почерпнутых из различных литературных источников, дополняя все эти выкладки собственным комментарием. При этом наряду с достаточно убедительными и уместными мыслями, проскальзывают и доморощенные философизмы подобные тему: «Жизнь дана Человеку не для того, чтобы он трудился как осел, а чтобы он достиг духовного совершенства» [Там же].

В целом же, автору не приходится изощрять воображение на пустом от незнания месте. Он достаточно оснащен всеми видами мистико-философских концепций, которые, кстати, он слегка упрощает, видимо из расчета на уровень среднего читателя. К тому же сугубо философские глубины не столь важны. Важнее другое: насколько талантливо и умело автор умеет вплести философский контекст и внедрить его в подсознание читателя. В повести подобная попытка в виде обширной философской преамбулы приобретает неоднозначный характер. Совмещение постулатов мусульманской теологической школы с буддийской философией представляется очевидной попыткой сочетания несочетаемого.

«Душа Человека, воплощаясь то в мужчину, то в женщину, проходит по Земле цикл из 777 реинкарнаций, Человек этот – то даргинец, то русский, то негр, то еврей, то он богат, то беден, то слаб, то всемогущ... В этих воплощениях воспитывается и закаляется Дух его. Как нет двух совершенно одинаковых людей, так нет и двух одинаковых Душ.

В составе своей материальной оболочки Душе дана способность приобретать знания и совершенствоваться.

Душа
Видит,
Слышит,
Чувствует,
Понимает,
Познает.

Счастье души, как и счастье Человека, нераздельно с ее достоинствами и личными свойствами.

Нередко счастье Человека зависит от материальной среды, а счастье Души – никогда.

Умственное развитие Человека не всегда идет об руку с его нравственным совершенствованием.

То же самое происходит и с Душой» [3, с. 18].

При всей кажущейся усложненности размышлений автора, философская направленность их оказывается максимально доступной.

Основной концептуальной для всей повести является высказанная автором далеко не новая гипотеза о том, что «когда Душе сопутствует ласка и внимание родителей, понимание и поддержка окружающих, она развивается стабильно и гармонично. Когда же ее дергают и терзают, то родители, то окружающие люди, ее способности к саморазвитию притупляются и ограничиваются...

Измученная еще в утробе Матери Душа появляется на свет болезненно нервной, неспособной к познанию мира, к умственному развитию и нравственному совершенствованию. А если при этом ее встречают истерзанная войнами многострадальная Земля, отравленное ядохимикатами промозглое Пространство, сбитые с толку гордыней и эгоизмом взвинченные люди, то шансы ее не самосовершенствование сводятся к нулю». Здесь доминирует только один голос, только одна точка зрения автора, смотрящего на все в соответствии со своими весьма своеобразными убеждениями о том, в частности, что «Аллах дает каждой Душе столько воплощений, сколько нужно, чтобы она достигла своего совершенства.

Поэтому Душа Человека, в отличие от его Тела бессмертна.

Поэтому говорят: “Век мой прошел, а дней у Аллаха не ubyло”» [3, с. 19].

Как бы то ни было, основная тема заявлена в самом общем смысле – это мысль о том, что духовные ценности являются высшими критериями жизни. Интерес автора к поиску вневременных категорий и истин предполагает наличие в повести изначально смещенной действительности, ирреальности лейтмотивов.

Мысль о предопределенности судьбы и поступков человека проявляется уже в самом развитии в общем незамысловатого сюжета, с малочисленными действующими лицами. Развернутость писательской преамбулы не соответствует малособытийности повести, ее сюжетной и композиционной упрощенности. Главное здесь – мистическая подоплека, которая выявляется при каждом сюжетном повороте.

Образы главных персонажей повести – Мубарака, его молодой жены Оксаны и его матери Салтанат столь схематичны, что становится очевидным основное устремление автора – проиллюстрировать собственную концепцию – деформацию Души еще нерожденного человека, как результат уродливого, развития отношений между людьми. При этом выясняется, что все злонамеренные поступки персонажей, причиняющих вред как друг другу, так и младенцу в утробе матери, также обусловлены «злыми духами» прошлой жизни.

Все главные герои повести люди в сущности ограниченные, безжалостные друг к другу и к окружающим, в то же время все они явно несчастны, идут на отчаянные шаги, в том числе и в отношении себя, причем мотивировка этих поступков дана очень слабо. Внутренняя задача автора – дать объяснение (в данном случае мистическое) каждому поступку героев и проследить последствия этих поступков. В этом смысле повесть Магомед-Расула, безусловно, отличается от произведений, которые также несут в себе загадку, но не претендуют на объяснение всего происходящего вокруг. И все же загадки в повести есть, но относятся они к более прозаическим вещам. Например, чем обусловлена многозначительная интонация автора, когда он повествует о знакомстве Мубарака с Оксаной: «Сделав несколько шагов в противоположные стороны, они оглянулись одновременно: взгляды их скрестились, и неожиданно для обоих что-то всколыхнулось в доселе незнакомых душах...

Им стало не по себе, но они не подали виду.

Он пошел своей дорогой.

Она – своей» [3, с. 21].

Придя домой, Оксана резко обрывает младшую сестренку и мать, которые поинтересовались причиной плохого настроения девушки.

Довольно странный способ знакомства людей, которые с первой встречи почувствовали интуитивную тревогу в присутствии друг друга. По мере развития сюжета выясняется, что это знакомство и неудачный брак, приведший к трагическим последствиям для обоих героев, – не что иное, как расплата за грехи в прежних жизнях, а также результат вмешательства темных сил, которые притягиваются тем сильнее, чем больше герои ненавидят и обижают друг друга. Автор, по-видимому, считает безобидным «одомашнивание» таинственных стихий, но забывает при этом древнюю мудрость: «Не буди спящего льва».

Сконструированная Магомед-Расулом жизнь героев может служить наглядным примером взаимоотношений большинства дагестанских семей. Злая свекровь, недалекая и вздорная невестка, сам герой, пустой ограниченный во всех своих проявлениях, Сакина, дочь богатых родителей, ее муж Ислам, загадочная женщина без имени, которая служит Мубаракку временным утешением, – все эти герои не способны уклониться от выработанной и усвоенной ими когда-то механической жизненной программы. И только Мубарак и Оксана, вопреки даже собственной воле оказываются вместе. Но опять же – автор переводит все коллизии в метафизический ракурс: «В словах Мубарака и Оксаны, в движениях и жестах появилась та раскованность, какая наступает между людьми, когда ими управляет не столько разум, сколько интуиция».

Все текло само собой, как обычно бывает, когда человек не обременен определенной целью.

Это был миг судьбы.

Когда говорят «судьба», человек редко задумывается над тем, что слово произошло от «суд, судьбище», что оно означает «расправа». Человеку привычнее принимать судьбу как участь, жребий, стечение обстоятельств, предопределение...

Между тем, значение слова «судьба» гораздо шире: оно многозначно и необъяснимо, как и сама жизнь.

Какую же роль играла судьба в жизни Мубарака и Оксаны?

Искушала их?

Иронизировала над ними?» [3, с. 29]

С развитием немудреного сюжета причинно-следственные отношения, связывающие их, приобретают все более решающее фатальное значение. Заявленная автором еще в начале повести таинственность, которую он, впрочем, старается объяснить, опираясь на различные мистико-философские доктрины, так и остается в сути своей неразгаданной. Магомед-Расул конечно же понимает что такие понятия как Душа, Судьба, Рок – тайна, изначально непостижимая, неисчерпанная, и лучший выход – это мудрое смирение перед тайной.

Здесь присутствует игра с читателем, некий расчет, основанный на интересе к мистическим сторонам бытия. Но автор также понимает, что вытягивать на одном подобном интересе довольно сложно и расцветивает свое повествование еще и другими красками. В повести отражены и среда, где обитают герои, и быт, и картинки городской жизни.

Даже простой процесс приготовления хинкала Оксаной Магомед-Расул укрупняет до философских обобщений и придает этому процессу характер ритуального действия: «Она раскатывала тесто. Тепло и нежность, энергия и свет ее Души стекали по рукам к пальцам, от пальцев – к каталке, от каталки к тесту и смешивались с вкрадчивым духом муки и желтка, белка и воды».

Раскатав тесто, она собралась было разрезать на квадратики, как в это самое время лепешку накрыл луч Солнца, продравшегося сквозь тучи, чтобы взглянуть, что творит там в своей кухне молодая Мать, колдующая над обедом» [3, с. 92].

Эта картинка, написанная рельефными мазками, зримо передана автором и исполнена в лучших традициях реалистического канона. Выбиваясь из стилевого контекста всей повести, глава «Дух хинкала» удивляет неожиданностью ракурса, представляет несомнен-

ный интерес своей яркой, сочной тональностью, интонационной легкостью, искрится радостью бытия. «Оксана замерла, держа руку с кухонным ножом на весу и не отрывая глаз от лепешки, омываемой заблудившимися лучами зачарованного ею Солнца.

Отложив нож, она обеими руками подняла лепешку над столом, повернула обратной стороной к Солнцу. Лучи его впитывались в лепешку, испускавшую ни с чем не сравнимый вселенский запах, от которого кружилась голова, словно после бокала шампанского.

Увлечшись невиданной картиной, она окунала лепешку в лучи, поворачивая то одной, то другой стороной к Солнцу, будто полоскала в водопаде золотого дождя» [3, с. 93].

В этом эпизоде выявляется другая динамика, иной род активности в подаче материала. Магомед-Расул, забывая о своей проповеднической миссии, которую он добровольно на себя возложил, проявляет высокое художественное мастерство и тонкость восприятия окружающего мира: «От картофелины шел такой дразнящий кисло-сладкий запах, что она не удержалась: срезала кусочек и стала жевать, наслаждаясь неведомым вкусом ее сырой мякоти. «Зачем ее варить? Убивать в ней живой дух? – подумала она, отрезая от картофелины второй кусочек» [3, с. 93].

К сожалению, автор быстро спохватывается и возвращается в привычное русло, он отказывается от просто художественной и профессиональной стилистики в подаче материала и вновь превращает сюжет, героев, их действия, высказывания и все вещные, бытовые детали в инструмент для выражения своих мыслей и идей. Прозе Магомед-Расула вообще свойственна некоторая назидательность, и когда философские откровения автора переплетаются с философскими цитатами из великих и выкладками из различных популярных изданий со всевозможными предположениями ученых, то страдает художественная сторона текста. Иногда это касается и сюжетных коллизий – они превращаются в откровенную схему, конструкцию, позволяющую автору реализовать свой замысел наиболее удобным для него способом. Он не упускает ни единой возможности, и поэтому подчас монологи, диалоги его героев становятся демонстрацией их скудоумия. О какой Душе будущего ребенка может идти речь, если поведение будущих родителей управляемо простыми рефлексам. Возможно, здесь и кроется то, что автор так старательно ищет в каждом жизненном явлении. И можно обойтись без мистики, все ясно и так.

Смысловый потенциал, который является ядром прозы Магомед-Расула, здесь явно снижен до порога допустимого. Избрав объектом своего описания столь скудоумных персонажей, автор неизбежно проигрывает в главном, его философские размышления держатся на очень сомнительной образной основе.

С развитием действия становится все более заметным, что для автора наибольшую ценность представляет общая концепция, заявленная в вводной части повести, и под эту концепцию подбирался художественный материал. Повествование сохраняет все этнические признаки и элементы быта, а образы героев – очередная вариация национальных характеров в устоявшемся, стереотипном исполнении.

Именно поэтому необходимая для подобного рода словесности абстрагированность автора от реальности носит весьма условный характер.

Справедливости ради стоит отметить, что Магомед-Расул все-таки создал качественно новую вещь в новом для национальной литературы жанре, и поэтому повесть, безусловно, имеет литературное и культурное значение. Еще В. Г. Белинский отмечал, что «если есть идеи времени, то есть и формы времени». Здесь хотелось бы добавить и «формы выражения времени». В данном случае это означает необходимость отхода от клишированного воспроизведения национальных реалий характеров.

Впечатление такое, что наши писатели, видя и отмечая почти виртуальную реальность современной жизни, упорно поселяют туда ими же придуманных героев произведений, в лучшем случае, 1960-х годов. Внешние расхождения только подчеркивают глубинную, родственную связь между ними. Именно такая связь существует и между героями повести.

Раздражение, ярость и слепая агрессивность души присуща всем действующим лицам повести, кроме некоей красотки с бирюзовыми глазами, которая явно симпатична автору.

Совершенно непонятно, для чего женились Оксана и Мубарак и зачем они издеваются друг над другом. Автор называет это кармой. А может следует назвать это примитивным мировосприятием.

«Вечерами в ожидании мужа думала: «Как вернется, скажу: Надо мной ты можешь как угодно издеваться, но зачем ребенка травмируешь?!»

Как только появлялся Мубарак, она менялась: «А почему он должен издеваться надо мной? Что я рабыня для него? Пусть сам просит прощения!»

Откуда взялось такое упрямство у Оксаны? Ведь ее мать с отцом были людьми великодушными и отходчивыми. Этому учили они и ее.

Она восприняла от родителей многое, но не все. В ней сидел неприкаянный дух Оксаны в прежней жизни.

В прошлой жизни своей она была невзрачной девушкой по имени Майсарат с грубыми чувственными чертами» [3, с. 81]. Дальше идут описания, неудавшейся жизни Майсарат, которая потерпела сильное разочарование в любви. Автор завершает рассказ о бедной Майсарат следующим образом: «Майсарат зачахла и ушла в мир иной, так и не простив мужа. Вот и мытарствовалась ее зачерствело-вывихнутая Душа во Вселенной двести с лишним лет, пока не обрела свою плоть в новой инкарнации – сегодняшней Оксане» [3, с. 84].

Особенно тяжелое наследство от прошлого досталось Мубарaku. Картину активного саморазрушения своего героя автор описывает при каждом упоминании о нем, в каждой главке. Совершенно немотивированные поступки, которые он совершает при полном молчании разума, также объясняются кармической зависимостью. Вообще, сюжетная правота каждого из действующих лиц повести не проверяется. В одном из эпизодов, где описывается очередная ссора молодых супругов, и как всегда из ничего, Оксана решает уйти к матери. «Сама того не ожидая, Оксана сказала об этом как о давно решенном, спокойно и уверенно.

Обида и ненависть сдавили Мубарaku горло.

В глазах потемнело.

Его волей завладела нечистая сила.

– Не женщина ты, а змея ядовитая! – Мубарак дал ей пощечину. Это были не его слова.

Генетическая память, подсознание взяли верх над Мубаракom. Мубарак был еще в утробе матери – ему шел седьмой месяц, когда мать вновь попыталась дать урок воспитания отцу, упрекая его в простодушии и неумении быть расчетливым. Отец пришел в ярость:

– Не женщина ты, а змея ядовитая! – сказал отец и дал ей пощечину.

Мать Мубаракa зверем кинулась на отца, укусила за руку, исцарапала лицо, пользуясь тем, что отец считал ниже своего достоинства отвечать ей.

В прежней жизни своей мать Мубаракa Салтанат была мужчиной по имени Султан» [3, с. 89]. Описав гордый и агрессивный нрав Султана, который не смог жениться на любимой им девушке, писатель выносит свой вердикт: «Султан покинул земную юдоль, не обретя душевной гармонии, и, спустя многие годы, вернулся на Землю в лице матери Мубаракa Салтанат. В нынешней своей инкарнации Салтанат вела себя с отцом Мубаракa точно так же, как в те далекие годы вел себя Султан со своей женой» [3, с. 90].

Ничего не подозревавший об этом Мубарак в совершенно иной ситуации и по иному поводу повторил отца своего: то, что он поднял руку на Оксану, было не его сознательной потребностью, а неисполненным некогда желанием отца по отношению к его матери...

Неискушенному в буддистских доктринах читателю может показаться, что он имеет дело либо с честным заблуждением, либо с мистификацией. Но это отнюдь не так. Главы «Манкурт» и «Земляне», целиком построенные на философских рассуждениях автора, убеждают нас в том, что Магомед-Расул вполне искренен и высказывает собственные выношенные в душе взгляды. Обнаженность открытых противопоставлений героев повести, их харак-

теров писатель объясняет неразрывностью причинно-следственных связей. Он стремится изобразить и осмыслить явления человеческой жизни во всей их сложности. Но при таком подходе к личности, когда человек лишен своей воли и его поведенческие особенности объяснимы лишь кармической зависимостью, чего добивается Магомед-Расул от своих читателей? Ведь по его концепции человек – это схема, отраженное явление реинкарнации, и поэтому все нравоучения и философские сентенции бесполезны, всем управляет прошлое.

Одна отличительная черта – в повести нет ни одного действующего лица, реально причастного к мусульманской или христианской вере. А все разговоры о Всевышнем носят характер афористических выкладок.

В сущности, автор описывает жизнь бездуховных от безверия людей, трагедия которых именно в отстраненности от религии своих предков. Ведь сказано «Свято место пусто не бывает». Кто занимает это место – сказал сам автор.

«Спасись сам, и около тебя спасутся многие», – повторял Серафим Саровский. Множество рецептов бытия и мудрых наставлений дает нам автор, но нет здесь самого главного.

А главное заключается в отказе от всевозможных мыслимых и немыслимых метафизических доктрин и возвращении к своим генетически обусловленным духовным истокам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкудинов К. Сдвиг // Октябрь. 2001. № 2.
2. Березин В. Апология ошибки // Октябрь. 2000. № 8.
3. Магомед-Расул. Нечистая сила. Махачкала, 2001. 302 с.

Поступила в редакцию
21. 03. 2021.

Магомедова Зулейхат Кадиевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru

Magomedova Zuleikhat Kadievna, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru